

Сев. культура. - 1990. - 17 июля. - С. 10

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ АКТРИСЫ

На сцене Центрального дома работников искусств Римма Быкова в сотый раз сыграла моноспектакль «Стрепетова» (композиция В. Леснова, режиссер Е. Табачников). Это произошло в день, который Стрепетова считала своим днем рождения: как известно, она была незаконнорожденным подкидышем, и точную дату ее появления на свет установить невозможно.

Мятежный, мятущийся, суровый дух великой русской актрисы словно ожил в этот вечер, затрепетал, как огонек живой свечи в старинном простом подсвечнике, который Быкова зажигала по ходу действия и несла, держала перед собой как знак немеркнущего света души. Трагическая судьба Пелагеи Антипьевны Стрепетовой была предопределена ее максимализмом, жестокой требовательностью к себе и другим, презрительным отношением ко всякому компромиссу, терзаниями ее великой художественной и человеческой совести. Путь святого служения искусству стал для нее гологой.

Почему Быкова обратилась именно к этому артистическому житию, к этой великомученице русской сцены? В искусстве бывают странные параллели, переключки, почти мистические напоминания. Некоторые большие актрисы ищут себе кумира в прошлом. М. Бабанова с нежностью вспоминала хрустальный голос, тончайший юмор и лиризм Е. Грановской. Е. Гоголева неизменно носит на груди осыпанный темными гранатами портрет М. Ермоловой и с благоговением играет некоторые ее роли. Р. Быкова избрала своим «ангелом-хранителем» Стрепетову, и это не случайно. Ее небольшой рост, хрупкая угловатость, восторженно-гневное выражение бледного лица чем-то напоминают известные портреты И. Репина и Н. Ярошенко. А главное — эта способность вдруг сильно задрожать всем телом в момент отчаяния, глухо застонать или жалобно закричать высоким, прерывистым голосом от неподдельной боли, это залитое внезапно хлынувшими слезами, искаженное от горя лицо, эти неловкие, нетеатральные метания по сцене...

Быкова обладает редкой нервной силой, ее жизнь на сцене отличается высоким, порой мучительным духовным напряжением. Не случайно она была знаменитой Нелли в «Униженных и оскорбленных» Ф. Достоевского.

Мне доводилось работать с ней в Театре имени К. С. Станиславского, и я знаю, что ей свойственна та, порой трудная для окружающих, придирчивая взыскательность, о который я писал по отношению к Стрепетовой. Быкова буквально за-

болевает каждой своей ролью, ее лихорадит, она «бредит», болезнь часто бывает изнурительной, тяжелой, но актриса не успоаивается до тех пор, пока не почувствует, что каждое слово роли едва ли не буквально выстрадано ею.

Быкова имела очень большой успех в роли Анны в одноименной пьесе М. Гайновой, но сначала чиновники управления культуры и министерства не приняли ее работы — уж очень далека она была от плакатного стереотипа «положительной» советской героини. Актриса создала очень сложный образ — почти угрюмое одиночество и материнскую любовь к своим подопечным, горькую обездоленность и достоинство, почти гордыню цельной и чистой натуры. Быкова умеет удивительно сочетать ранимость существа «с содранной кожей» и почти заносчивую независимость, неуступчивость сильной натуры. Нет, не случайно Стрепетова стала ее неизменной спутницей на многие годы.

Я помню, еще в 60-е годы мы думали о создании спектакля, посвященного неистовой страдальце русского театра. Обратились к драматургу, но его увлекли прежде всего драматические перипетии личной жизни Стрепетовой: ее незаконная дочь, тяжелый разрыв с актером М. Писаревым, самоубийство влюбленного в нее молодого А. Подгодина...

Но Быкова (и это очень характерно для нее) отвергла этот весьма заманчивый вариант. Ей была не нужна мелодрама о Стрепетовой, она хотела говорить о ее художественном подвиге, о высоте ее идеала.

В нынешнюю композицию входят документы, письма А. Островского, М. Писарева, самой Стрепетовой, отрывки из пьес, в которых она играла. Быкова читает монологи Лизаветы из «Горькой судьбины», Катерины из «Грозы», истово, протяжно, иступленно, и порой они напоминают заплачки, причитания русских деревенских женщин. В их мелодии слышатся постижение народной души, самобытная национальная, религиозная, мистическая природа.

Этот вечер стал вечером трагического и радостного творческого «самосожжения». Он напомнил нам о том, что жизнь в искусстве может называться (в наши дни редко, очень редко) — служением.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

● Римма Быкова — Стрепетова.

Фото В. Петрусовой.

